

О ВЛАСТИ И СМЕРТИ.

Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ...
Пушкинъ.

Сомнѣваться въ томъ, сможетъ ли, сумѣетъ ли Россія выдвинуть изъ своихъ нѣдръ религіозную, волевою и государственно - воспитывающую интеллигенцію,—значило бы сомнѣваться въ самой Россіи и ея будущемъ... Сможетъ. Выдвинетъ. И сама возродится, окрѣпнетъ и возрастетъ. Но чѣмъ скорѣе это совершится, тѣмъ лучше: тѣмъ быстрѣе пойдетъ ея возстановленіе; тѣмъ меньше будетъ крови, меньше страданія, меньше опасностей и безчестія...

И первое, что должна понять и продумать новая русская интеллигенція, это — *волевою природу государства и государственной власти.*

Государственная власть, по самой существенной идеѣ своей, должна принадлежать *сильнѣйшимъ и благороднѣйшимъ*. Ибо пріемлющій ее пріемлетъ и осуществляетъ ее именно *волею* и именно *благородной* волею: онъ становится *во главѣ* и *на стражѣ*: во главѣ народа и на стражѣ его святыни; и потому онъ долженъ подготовить свою волю не только къ водительствоу и понужденію, но и *къ почетной смерти стража и вождя.*

Живя въ государствѣ и строя государство, люди объединяются не просто территоріей или общимъ подчиненіемъ; они объединяются въ *совмѣстномъ волевома напряженіи* и *волевома дѣйстви*; они объединяются для того, чтобы выдѣлять *) и признавать тѣхъ благороднѣйшихъ вождей и тѣхъ сильныхъ и вѣрныхъ стражей, которые призваны творить *за нихъ, для нихъ* и *черезъ* нихъ дѣло всенароднаго единства и расцвѣта. — которые призваны поддерживать и оборонять это единство и блюсти національныя святыни хотя бы *цѣною своей смерти.*

*) Все равно — идетъ ли окончательное рѣшеніе «сверху» или «снизу».

Вотъ почему государственная власть по самому существу своему являетъ эту драму: *борьбы и смерти лучшихъ людей за бытіе и за святыню ихъ народа*. И эта драма, которая яснѣе всего выражается въ обличіи война или солдата, дѣлаетъ *каждаго* гражданина, *причастнаго власти* — воиномъ, стоящимъ на своемъ посту, и стражемъ, готовымъ къ смерти.

Намъ надо понять и продумать это разъ навсегда: кто беретъ власть, тотъ беретъ не только полномочіе и не столько полномочіе, сколько *обязанность властвовать*. Онъ принимаетъ тѣмъ самымъ не только высшій *рангъ* и *почетъ*, но и высшую *ответственность* и *опасность*. И тотъ, кто ищетъ ранга и желаетъ почета, но не хочетъ ответственности и боится опасности, — тотъ является *честолюбцемъ, неспособнымъ къ власти*; и его правленіе только и можетъ привести къ общей гибели.

Возлѣ власти — возлѣ смерти. И сколько лучшихъ людей въ исторіи — царей, вождей, полководцевъ и героев — засвидѣтельствовали эту истину своимъ концомъ!..

Я сказалъ, что государственная власть должна принадлежать сильнѣйшему и благороднѣйшему.

Сильнѣйшему... Я говорю, конечно, не о мускулахъ, не объ оружіи и не о сплоченной массѣ людей. Я говорю о *воли*. Ибо власть есть дѣло воли. Призваніе власти не только въ томъ, чтобы видѣть и понимать; для этого есть люди опыта, люди ума, люди науки, мужи свѣта. Призваніе власти въ томъ, чтобы *выбирать, рѣшать, предписывать, настаивать и понуждать*. Въ этомъ ея дѣло, ея природа, ея назначеніе.

Безвольный или слабовольный властитель — есть внутреннее противорѣчіе, жизненная нелѣпность, духовное погубленіе всего дѣла: онъ подобенъ безрукому, который захотѣлъ бы стать піанистомъ; слѣпому, который рѣшилъ бы писать красками. Здѣсь необходима именно воля и притомъ *сильная воля*: не порывистость, не раздражительность, не истеричность; не суетливое тщеславіе, не крикливость, не вспышкопускательство; но и не упрямство, не ожесточеніе и не жестоковѣйная свирѣпость. Здѣсь необходима способность рѣшать, т. е. сосредоточиваться на *одномъ*, на *лучшемъ* исходѣ; обрывать всѣ другія «возможности», какъ отвергнутыя; и превращать выбранную возможность въ *необходимость* — и для другихъ, и для себя. Здѣсь нужна устойчивость, достаточная и для себя, и для другихъ; нуженъ импонирующий напоръ: непоколеблющійся автори-

теть; готовность настоять на своемъ и сломить препятствія; способность пересилить — и *чужую волю*, и *чужое безволие*. Словомъ,—нужна воля, способная къ глубокому, сильному и долговому дыханію: къ глубокому замыслу, къ сильному заряду, къ долговому настаиванію . . .

Нѣтъ этого — и не будетъ власти: будетъ безвластіе, разложеніе. хлябь. Вотъ почему безвольный, идущій къ власти, творитъ самообманъ и обманъ. Ведущій же безвольнаго къ власти — или глухо губитъ дѣло, или лукаво лѣпитъ себѣ маріонетку. Въ обычное время — лучше ошибка сильной власти, чѣмъ вѣрное, но бесплодное мечтаніе слабаго правителя. Въ часъ бѣды — лучше явное и полное отсутствіе власти (спохватятся! создадутъ!), чѣмъ симуляція власти со стороны безвольнаго человѣка или группы безвольныхъ людей.

Понятно, что безвольный царь можетъ стать опаснымъ для своей страны; но именно поэтому *организованное безволие власти*, какъ это бываетъ въ республиканскихъ и парламентарныхъ государствахъ, таитъ въ себѣ не только опасность, но прямую *безвыходность* и *обреченность*. И политическій опытъ русской исторіи давно выразилъ это въ простонародномъ обобщеніи: «лучше грозный царь, чѣмъ семибоярщина» . . .

Отсюда и смыслъ фашизма, какъ мірового явленія: люди ищутъ *волевого* и *государственнаго* выхода изъ организованнаго тупика безволія. Но изъ *тупика* выходъ впередъ — добывается только *проломомъ* . . .

Я сказалъ, что государственная власть должна принадлежать благороднѣйшему . . . Я говорю не о «крови», не о «породѣ», не о «знатности»; тѣмъ болѣе не о богатствѣ. Я знаю цѣну породы, наслѣдственности, преемства и традиціи; и когда все это стоитъ на высотѣ и сочетается съ *личными* качествами души — то достиженіе бываетъ наивысшимъ. Но думаю, что для родины *незнатный герой* драгоцѣннѣе *знатнаго негероя*; и непородистый талантъ выше породистой бездарности; и умъ безъ предковъ способенъ править лучше, чѣмъ тупица съ предками. Что пользы странѣ отъ именитаго глупца или злодѣя? Какого спасенія, какого подвига можно ждать отъ человѣка, «благороднаго» только по имени? Только слѣпой можетъ отрицать духовное значеніе кровной породы и наслѣдственной культуры; но только лукавецъ можетъ утверждать, что порода сама по себѣ есть необходимый «цензъ» или достаточный

«стажъ» для государственнаго строительства и участія во власти.

Къ государственной власти должны восходить *лучшіе* люди. И тотъ, кто требуетъ доказательствъ для этого тезиса, — тотъ однимъ этимъ требованіемъ своимъ обнаруживаетъ упадочность и извращенность современнаго правосознанія. Пусть онъ самъ приметъ на себя бремя доказательства и пусть доказываетъ, что государственная власть должна принадлежать ворамъ, предателямъ, обманщикамъ, взяточникамъ, насильникамъ, безыдейнымъ и безпринципнымъ карьеристамъ... И когда онъ кончитъ и «докажетъ», — мы будемъ знать, что мы выслушали представителя большевицкой стихіи.

Власть *слабаго* губить авторитетъ власти, растить въ странѣ смуту и разложеніе. Власть *порочнаго* съѣтъ въ странѣ порокъ, накопляетъ вокругъ власти атмосферу презрѣнія, подрываетъ и форму, и содержаніе народной жизни. Всегда и всюду такъ бывало: достаточно порочной власти утвердить «ставку на подлца» — и подлость становится государственнымъ цензомъ и стажемъ; люди начинаютъ отбираться кверху по степени своей явной низости или скрытой безпринципности; выше всѣхъ становятся отъявленные злодѣи и матерые плуты, а вокругъ нихъ располагаются лагеремъ преуспѣвшіе мошенники и приспособившіеся лукавцы; слагается политическая атмосфера, въ которой *всѣ* оказываются вынужденными судить и поступать примѣнительно къ подлости и въ которой люди, лишенные экзистенць-минимума изворотливости и кривизны. — обречены на прямую гибель...

Здоровая государственная власть означаетъ волевою ставку на благородство: на патриотизмъ, на совѣсть, на честь, на вѣрность, на служеніе. Только тотъ государственный строй на высотѣ, который *дѣйствительно организуетъ отборъ такихъ* людей, *лучшихъ* людей—*къ власти*; и всякій другой строй (какое бы историческое названіе онъ ни носилъ — «самодержавіе» или «демократическая республика») — обреченъ на разложеніе и крушеніе. Это — духовно и исторически *неоспоримая аксіома*. И если греческій терминъ «*áристось*» (= лучший) понимать въ его настоящемъ и строгомъ смыслѣ, то естественно поставить вопросъ: послѣ опыта русской революціи — кто можетъ, кто смѣетъ отрицать *аристократическую природу государственности?! ...*

Во главѣ народа и на стражѣ его святыни должны стоять сильнѣйшіе и благороднѣйшіе люди. Это намъ надо принять, именно какъ аксіому. И не надо позволять лукавымъ софистамъ разлагать эту аксіому (ссылкою на то, что все на свѣтѣ «относительно», и что для «воли» и «благородства» нѣтъ твердаго и объективнаго мѣрила. Это мѣрило *есть*; его надо только продумать до конца ^{*)} и усвоить, какъ ненарушимое правило поведенія: какимъ бы путемъ люди ни выдѣлялись къ *власти* (именно къ власти, а не къ совѣту)—сверху (назначеніемъ) или снизу (выборами)—ни *безвольные добряки*, ни *волевые подлецы* не должны ни выдвигаться, ни поддерживаться. Ни въ силу того, что это люди «моей партіи» или «нашей тайной организаціи»; ни потому, что «иначе они мнѣ навредятъ»; ни отъ того, что «все равно я больше никого не знаю»; ни по какимъ бы то ни было другимъ соображеніямъ... Кто идетъ по этому пути, тотъ *кривитъ душою, нарушаетъ* свою государственную *присягу* и *предаетъ* свою *родину*. Ибо это есть прямое предательство — ставить лукаваго авантюриста во главѣ народа или вручать общее спасеніе безвольному болтуну; и это есть гибельное легкомысліе — выдвигать къ власти слабовольнаго попустителя или ставить завѣдомаго подлнца на стражѣ народной святыни...

И пусть никто не говоритъ, что это «элементарно» или «общеизвѣстно»; что это якобы «старая пропись»... Ибо изъ за поправія этой аксіомы Россія рухнула на нашихъ глазахъ...

Стать у власти значитъ стать возлѣ смерти. Но только сильнѣйшіе и благороднѣйшіе способны чувствовать это и осуществлять на дѣлѣ.

Властвующій стоитъ передъ смертью не только въ томъ смыслѣ, что долгъ нерѣдко требуетъ отъ него крайнихъ и непосильныхъ для его здоровья трудовъ и напряженій или участія въ общихъ опасностяхъ. Смерть была близка не только тогда, когда Петръ Великій сражался подъ Полтавой или спасалъ тонущихъ на Лахтѣ; или когда Фридрихъ Великій велъ свои войска въ атаку; или когда Наполеонъ въ Египтѣ навѣщаль чумные лазареты; или когда Столыпинъ боролся съ революціоннымъ разваломъ и годами работалъ по 18 часовъ въ сутки.

^{*)} См. статью Старога Политика «О политической работѣ» в № 1 «Русскаго Колокола».

Иѣтъ, идея *борьбы на смерть* сокрыта въ самомъ принципѣ государственной власти . . .

Дѣло въ томъ, что получающій власть (безразлично, въ какомъ объемѣ), получаетъ въ свое распоряженіе часть *драгоценнѣйшаго всенароднаго достоянія*, выношеннаго и выстраданнаго вѣками. Возможность творить и ограждать, организовывать и строить авторитетными вѣдѣніями — есть общенародное сокровище, плодъ многихъ страданій и долгой культуры. Это есть иѣкое «казенное добро»; и вѣрный часовой охраняетъ его даже цѣною своей жизни, соблюдая ввѣренный ему *государственный авторитетъ* — неумаленнымъ, непопорченнымъ и не растраченнымъ. Напротивъ, проматывая авторитетъ ввѣренной ему власти, властвующій совершаетъ подлинную *растрату національнаго достоянія*, все равно — подрываетъ ли онъ этотъ авторитетъ самъ, своею пассивностью и своими злоупотребленіями, или позволяетъ другимъ захватывать и расхищать ввѣренную ему власть. Исторія взыщетъ съ него, какъ съ нерадиваго часового . . .

Властвующій *призванъ* къ тому, чтобы блюсти ввѣренную ему часть государственной власти, и не можетъ, *не имѣетъ права* погасить эту обязанность одностороннимъ отказомъ. Часовой не можетъ «самъ себя смѣнить» съ поста. Директоръ не можетъ произвольно «выйти изъ игры» или предпочесть бездѣйствіе. Односторонне отказываться можно только отъ имущественныхъ полномочій, но не отъ публичныхъ обязанностей. Смѣнить меня можетъ лишь тотъ, кто поставилъ; уволить меня можетъ лишь тотъ, кто имѣетъ право назначить мнѣ преемника. Для всѣхъ же остальныхъ — въ объемѣ моей обязанности — я авторитетъ. *И борьбу за этотъ авторитетъ я обязанъ вести на жизнь и на смерть.* Штатскій революціонеръ не можетъ смѣнить часового у казеннаго сундука: часовой можетъ быть имъ застрѣленъ, но не смѣненъ. Солдаты не могутъ уволить офицера. Городская дума не въ силахъ «отстранить» командующаго войсками. Чиновники департамента не въ состояніи дать отставку министру. Толпа не можетъ погасить *обязанностей Императора!* . . .

Государственная власть имѣетъ значеніе *рока* для того, кто ее принимаетъ. Берущій ее — связываетъ съ нею свою *судьбу* и остается связаннымъ властью до тѣхъ поръ, пока она не будетъ *правомѣрно* и *преемственно* сложена съ него. Ведущій ве-

детъ не только на успѣхъ, но и на опасность. Успѣхъ даетъ ему «лавры» . . . А предвидѣніе опасности . . . — даетъ ему основаніе сложить съ себя все обязанности? Повелѣвающей повелѣваетъ не только послушнымъ, но и *непослушнымъ*; и къ этому онъ долженъ быть готовъ заранѣе. Пока ему повинуются добровольно — онъ »силенъ»; но какъ только появляются люди, достаточно дерзкіе для неповиновенія . . . — такъ онъ признаетъ свою «слабость» и слагаетъ власть? . . .

Нѣтъ. Въ самой природѣ государственной власти заложена эта обязанность: или понудить и сломить непокорнаго; или *погибнуть на своемъ посту*. И въ этомъ смыслѣ идея *воинскаго* долга и *воинской* чести является глубокимъ и зрѣлымъ прообразомъ *гражданской* чести и гражданского долга: она не знаетъ ни *односторонняго отреченія*, ни *малодушнаго уговариванія*.

Государственная власть есть подлинная и живая *драма*, въ которой рѣшеніе вождя и поступокъ стража опредѣляютъ собою судьбу всего народа. Это есть драма воли, благородства, жизни и смерти.

И пусть грядущія поколѣнія Россіи глубоко продумаютъ и усвоятъ эту истину.

И. А. Ильинъ.
